

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ОСТРОВСКИЙ (Мольеру): — Рад видеть вас в своём доме!

КРОКОДИЛ

№ 10 (1372) МОСКВА 10 АПРЕЛЯ 1954 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рисунок Бориса ЛЕО.

ВОКРУГ «ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ»

Когда во Франции говорят: «Знаменитый театр», «Французский театр», «Дом Мольера»,— для француза ясно: речь идёт о «Французской Комедии».

На афише «Французской Комедии» указана дата её основания — 1680 год. Через семь лет «Французской Комедии» по приказу короля пришлось переходить в другое помещение. Нашли место, начали строиться, но господа из Сорбонны — одного из старейших университетов Европы — запротестовали. Учёные невежды, злобные педанты заявили: мы не потерпим, чтобы театр помещался рядом с учебным заведением.

Стали искать место в другом районе. Нашли. Вмешалась церковь. Аббат заявил: «Не потерплю, чтобы театр помещался рядом с храмом».

Только после долгих поисков нашли в огромном Париже место для постройки театра.

«Дом Мольера»... В современном французском фильме проводник по Парижу объясняет американским туристам:

— Сейчас мы проезжаем мимо «Дома Мольера».

Американцы явно недоумевают: это имя им ничего не говорит.

Быть может, именно этой неосведомлённостью объясняется то, что Маккарти ещё не предал костру сочинения Мольера.

За двести семьдесят четыре года существования «Французской Комедии» о ней написаны сотни томов, тысячи исследований. То, о чём мы расскажем,— лишь отдельные эпизоды из жизни великого театра и его актёров.

* * *

Клерон, выдающаяся актриса «Французской Комедии», писала в «Литературном альманахе» от 1781 года:

«Когда автор закончил пьесу, он выполнил только самую лёгкую часть своего труда».

Судьба пьесы зависела от актёров, пользующихся влиянием. Таким был в XVIII веке известный актёр Моле. Желая избавиться от автора, часто приходившего осведомляться о судьбе своей пьесы, Моле наконец заявил ему, что с большим вниманием прочёл рукопись, но не может поставить её на обсуждение труппы, так как, по мнению Моле, пьеса не обладает нужными достоинствами.

— Что же вы находите плохого в моей пьесе? — спрашивает автор.— Вас не удовлетворяет её композиция?

— Да, слабовата.

— Драматические ситуации?

— Маловероятны.

— Развязка?

— Неправдоподобна.

— Язык?

— Очень, очень небрежен.

Тогда, рассказывают мемуаристы «Французской Комедии», автор взял рукопись у Моле и, сняв ленту, которой она была перевязана, показал её взыскательному актёру. Вместо рукописи, которая так «не понравилась» Моле, оказались листы чистой бумаги.

* * *

Когда Рашель, будущая знаменитая актриса «Французской Комедии», сдавала выпускные экзамены, её игра не произвела особого впечатления. Известный актёр Прово так и сказал: «Милая моя, вы бы лучше устроились в магазине, продавали цветы, что ли».

Рашель не сдалась и через несколько лет с триумфом дебютировала во «Французской Комедии». После одной премьеры зал устроил ей овацию: цветы сыпались на сцену со всех сторон. Рашель подняла один из самых пышных букетов и поднесла его Прово со словами: «Вы советовали мне продавать цветы — вот они».

* * *

Актёр «Французской Комедии» Самсон заснул во время читки пьесы. Его принялись будить:

— Проснитесь, Самсон, вам же придётся высказать своё мнение о пьесе.

— В театре сон — тоже мнение,— ответил актёр.

* * *

В фойе «Французской Комедии» драматург Скриб так советовал начинающему автору:

— Сокращайте вашу пьесу, обязательно сокращайте. То, что вычеркнуто,— не освистано.

* * *

Незадолго до переворота 2 декабря 1851 года будущий Наполеон III, который тогда ещё назывался президентом республики, в своих речах всячески пропагандировал преимущества императорского режима. Чтобы успокоить тех, кто, помня о Наполеоне I, опасался, что провозглашение империи вызовет войну, Луи Бонапарт произнёс в Бордо речь, в которой он провозгласил свой девиз:

— Империя — это мир!

Затем немедленно по его заказу были написаны стихи на эту тему. Будущий император потребовал, чтобы славословящие империю стихи были прочитаны со сцены «Французской Комедии». Тогда театр выпустил следующую афишу:

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДИЯ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

„Империя—это мир“

Стихи прочтёт РАШЕЛЬ.

„Не следует доверять будущему“

Комедия в трёх действиях, сочинение АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЭ

Парижане читали афишу и соображали: «Империя — это мир». Понимаем. Значит, не следует доверять такому будущему, как империя».

* * *

Актёр «Французской Комедии» репетировал роль из пьесы современного ему автора. Недовольный тем, как актёр произнёс какую-то реплику, автор обращается к нему:

— Я не понимаю, почему у вас так плохо получается. В жизни вы веселы, остроумны, а в моей пьесе скучны.

— Дело в том, мой дорогой автор, что в жизни текст принадлежит мне.

* * *

Немцы в Париже. Продажное правительство Виши пытается управлять «Французской Комедией» на расстоянии.

Немецкое командование объявляет чистку труппы. Ряд видных актёров и актрис изгоняется. Гестапо арестовывает одного из молодых актёров и жестоко расправляется с ним.

Фашистские власти требуют, чтобы первый театр Франции продолжал играть. Но сразу же возникают трудности с репертуаром.

Многие пьесы сняты фашистами по «расовым соображениям». Но и в классическом репертуаре не так легко найти нейтральную пьесу.

Невозможно, например, ставить «Рюи Блаз» Гюго: знаменитый монолог о министрах, распродающих родину, воспринимается как прямой выпад против правителей Виши.

Решают обратиться к безобидному старинному водевилю. Есть у Лябиша комедийка «29 градусов в тени». Вот уж где, надеются оккупанты, никаких «вредных» ассоциаций быть не может!

И надо же, чтобы один из персонажей водевиля именовался Адольфом!

Стоило этому Адольфу показаться на сцене, как зал встречал его издевательским хохотом, насмешливыми аплодисментами.

Оккупанты спохватились. На следующем спектакле Адольф назывался Альфредом.

Не тут-то было! В зале неистовствовали, свистели, кричали:

— Верните Адольфа!

Подпольная газета «Леттр франсез» регулярно появлялась в театре. Не раз во время спектаклей с верхних мест бросали в зал листовки. На сцене актёры продолжали играть, будто ничего не замечая.

* * *

Мы приветствуем «Дом Мольера» в стенах «Дома Островского».

Смех Мольера... Он обличает алчность, невежество, низкопоклонство, бездарность, золотые мешки, медные лбы, подлых святош, чванливых выскочек, непрошенных гостей. Этим великий театр ненавистен кучке его врагов. За это он любим его многочисленными друзьями.

С. РАДЗИНСКИЙ

„Форма № 3"

— Внимание! Пригородный поезд Челябинск—Шумиха отправляется...

На вокзале творится то самое, что называется столпотворением вавилонским: все мечутся в разные стороны, никто никого не понимает.

По перрону сломя голову несётся пассажир. В его солидном возрасте нужно бы ходить степенно, но тут уж не до степенности. Он целый час простоял в очереди у кассы. Из трёх касс почему-то работала только одна. Ему изрядно намяли бока.

«Ничего,— думает он,— как-нибудь отдышусь в пути».

— Гражданин, куда лезете? У вас какая форма?

— Ф-форма? Обыкновенная!

— «Форма № 3» у вас имеется? Нет? Ну и нечего тогда в плацкартный вагон лезть!

— Плацкартный? В пригородном поезде?

— А как бы вы думали? Это для железнодорожников, имеющих бесплатные годовые билеты.

У пассажира есть деньги и есть билет, но не бесплатный. Ему хочется поскорее занять место. Неужели плацкартный вагон переполнен? Неужто в нём так много народу?

— Двое едут: один до станции Чурилино, другой до станции Козырево.

— Ах, вот как! А дальше вагон покатит совсем пустой и неприкосновенный?

— Проходите, гражданин, не трепите своих и чужих нервов.

Пассажир кидается к следующему вагону. Это детский. Нет, не стоит прикидываться грудным младенцем, всё равно не поверят и не пустят. Да к тому же он и не намерен никого обманывать. Он купил билет и желает ехать, как говорится, на общих основаниях.

— Осади назад! Не видишь, мягкий?

— Мя-а-агкий? Да ведь от Челябинска до Шумихи всего сто двадцать пять километров!

— Железнодорожному начальству положено ехать в мягких. У него форма...

Умудрённый опытом пассажир уже не переспрашивает, о каких формах, требующих мягкого сиденья, идёт речь. Он знает: «Форма № 3».

— Нет, подымай выше: «Форма № 3-А». Раз у тебя буквы «А» нету, нечего на мягкое место рассчитывать.

— Да много ли начальников с этими мягкими формами путешествует в пригородных поездах?

— Зачем много? Мало. Они больше поезда дальнего следования обожают. Ну, а коли опоздал на дальний, тогда уж пригородным пользуется. Для такого случая и мягкий вагон держим. Нынче, например, он совсем порожняком идёт. Может, в последний момент начальство подойдёт.

— Товарищ кондуктор, ради всех святых, пустите в вагон!

— Ради святых не пущу. Неверующий. А ради родни могу. Среди ревизоров финансового отдела дороги родни не имеете? И начальнику поезда ни кум, ни сват? Тогда и толковать не об чем! Проходи, не задерживай!

Пассажир подхватывает свой багаж, стороной обегает начальственные твердыни на колёсах, стремглав проскакивает мимо детского.

Остаётся всего пять вагонов. Пассажир пытается штурмовать четыре подряд, но это ему явно не по силам: трещит по швам пальто, лопается чемодан, одна калоша потеряна... Но вот пятый вагон — последняя надежда и упование.

— Сюда-то хоть можно, голубчики?

— Сюда, папаша, сам не захочешь. Этот вагон называется «для рабочих в грязной одежде». На нас спецовки замазученные.

— Не захочешь! Да я замазучусь с головы до ног, слова не скажу, лишь бы ехать!

Паровоз даёт гудок. Все восемь вагонов пригородного поезда Челябинск—Шумиха, дрогнув, отправляются в путь. Этим они выгодно отличаются от руководителей Челябинского отделения дороги, которые, не дрогнув, гоняют пустые вагоны специально для пассажиров с «Формой № 3», и не заботятся о пассажирах без этой формы.

В. КАРБОВСКАЯ

ДАЧНИК

— Смотрите, наш председатель наконец переехал жить в колхоз!

— Это он только на лето...

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— Что так долго служба тянется? Мы на комсомольское собрание опаздываем!..

АЛТЫ-УГИЛЬСКИЕ СВАДЬБЫ

Не по-весеннему жаркое солнце висит над Алты-Угилем. Скоро лето. Пройдёт месяц, другой, и начнутся каникулы. И тогда, надо полагать, директора алты-угильских школ Артык Джумаев и Ишбай Иргашев соберутся на приватное совещание, чтобы подвести некоторые итоги.

— Ну, вот и году конец! — вздохнёт Джумаев.

— Славный был учебный год, ничего не скажешь! — отзовётся Иргашев.

— Свадеб-то сколько сыграли, а?

— М-да, насчёт свадеб жаловаться не приходится. Правда, не всё всегда обходилось гладко.

— Да, были и неувязки. Ты, скажем, наметил ученицу выдать замуж, а она никак форму снимать не хочет.

— И это, заметь,— массовое явление. Что говорить, хуже нет, когда ученица хочет учиться. Например, отличницы. С ними просто сладу нет. Не за будущего мужа цепляется, а за учебник!

— Да, с ними хлебнёшь горя! Выдавал я этой учебной зимой замуж одну ученицу за Норбая Расулова, работника 76-го разъезда. Так, поверишь, замучился! Затвердила одно: «Я несовершеннолетняя. Не имеете права. Хочу учиться!»

— И откуда они законы знают? Удивительно!

— Они-то знают, грамотные! Так вот, её жених дожидается, а она утирает бантиком слёзы! Пришлось пойти на хитрость. Пообещал ей, что и после замужества она будет учиться в школе.

— Ловко! А она сдуру и поверила?

— Как не поверить,— подросток!

— С этими подростками надо быть осторожным. Не дай бог, нажалуется!

— Ну, разумеется, подход должен быть. Известная осторожность. К примеру, был у меня такой случай. Приходит ко мне Ахмат Базаров, наш педагог, и говорит: «Хочу жениться на своей ученице». «Что ж,— отвечаю,— дело хорошее. Только смотри, действуй осторожно. Она ведь несовершеннолетняя». А он говорит: «Не беспокойся, Артык-ака. Секретарь сельсовета Гаффаров — дядя невесты. Он оформит ей документы в лучшем виде». И, что же ты думаешь, оформил!

— А вы?

— А мы сделали вид, что этого не заметили!

— Точно такой же случай был и у меня. Ты нашего учителя Эшмирзу Турняизова знаешь? Так и он взял в жёны несовершеннолетнюю ученицу. Но это заметили.

— И что?

— Пришлось беднягу уволить.

— Да. Неприятность. И тебе попало?

— Меня, слава аллаху, не заметили.

— Поздравляю! А ты Амина Норкулова знаешь?

— Как же, учитель из первой школы. И он женился?

— На восьмикласснице.

— В третий раз?

— Да. Вторую жену бросил. Она, как и первая, была ученицей.

— Ловкач! Надо думать, и свадьбу справил хорошую?

— Как полагается... Эх, признаться, люблю звон пиал! Я у всех своих учениц на свадьбах бываю.

— А кто же не любит? Кто не бывает?

— И до чего хорошо на свадьбе! Сидишь за столом этаким генералом, только мундира на тебе нет. И почёт, и уважение, и самые полные пиалы, и самые большие куски...

— Не вспоминай, хорошее пролетело время!

— Будем надеяться, что и в будущем учебном году будет не хуже.

— Как знать! Найдётся какой-нибудь писака-селькор, тиснет статейку про феодально-байские нравы, закрепощение, раскрепощение, и так далее, и тому подобное.

— Пусть тиснет. Районное начальство в обиду не даст. Уж на что наш прокурор — строгий человек, а и он сквозь пальцы смотрит на женихов, которые метрики своим невестам фабрикуют. Смотрит и молчит.

— Молчит.

— И райком комсомола молчит. И исполком райсовета как воды в рот набрал. А почему? Потому что мы форму соблюдаем. Годы у невесты подправил — и всё. Действуй смело...

...На этом, пожалуй, и закончится приватное совещание, посвящённое окончанию педагогического года. Директора школ, довольные собой, разойдутся.

Они предвкушают новые свадьбы в новом учебном году.

Маджид АШУРОВ

Нарпайский район,
Самаркандская область.

Иван КОСТЮКОВ

Кошкин след

Впервые за всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь Виктор Комолов шёл по земле и не чувствовал её. Временами ему даже казалось, что он не просто шёл, как все прочие, а парил между однобокой луной и обледенелой Огородной улицей.

Причиной неземных чувств Виктора была Галя. Сегодня в конце концов она позволила ему зайти к ним в дом и познакомиться с мамой. При этом Галя, смущаясь, шепнула, что мама видела Виктора много раз издали и будет рада встретиться с ним лично.

«Ну, брат жених, смотри не подкачай! — напутствовал сам себя Виктор, мечтательно поглядывая на луну.— Ещё немножечко — и ты переступишь порог домика с зелёными наличниками. Чудный момент! Галя представит меня. Я пожму маме руку и с поклоном скажу: «Виктор!» Впрочем, так не подойдёт. Примитивно. Так знакомятся одни ремесленники. Лучше полностью: «Виктор Петрович Комолов!» Будет более солидно. Потом... потом не мешало бы сделать для них что-то такое... этакое... из ряда вон выходящее... например: починить утюг, принести воды, наколоть дров».

— Впрочем, нет! Не то! — решительно сказал Виктор, ускоряя шаг.— Для такого случая надо сделать что-то другое... в общем, какое-то такое... одним словом, этакое, чтоб они, глядя на меня, развели руками и ахнули! Ну, скажем... Иду, допустим, вот сейчас, а навстречу Галя с мамой. Обо мне говорят. Вдруг из переулка выскакивает здоровенный тигр!.. Хотя нет, тигр тут не подойдёт. Такие звери в наших местах не водятся. А жаль, я бы его... Ну, ладно, пусть будет не тигр, а хотя бы волк. Здоровенный такой волчище! Выскакивает, значит, из переулка — и прямо к Гале с мамой! Я не теряюсь, бросаюсь, разрываю хищнику пасть и — р-р-раз! — перекидываю мёртвого зверя через забор!..

Слово «р-р-раз!», вырвавшееся у размечтавшегося Виктора, разбудило дворняжку. Она то ли с перепугу, то ли из желания прихвастнуть своей бдительностью отозвалась частым тявканьем. И в то же время из-под ворот соседнего с Галей дома выскочила взъерошенная кошка. Она несколькими прыжками перемахнула улицу, а потом, будто одумавшись, вернулась назад и уселась на тротуаре.

— Этого ещё недоставало! — процедил сквозь зубы Виктор, отступая назад.— Брысь! Пошла отсюда! Сейчас как подойду да как дам по башке, ты и мяукнуть не успеешь! Ну, что ты там уселась? Слышишь, кому я говорю-то? Брысь! Брысь, чтоб тебе провалиться!

Виктор потоптался на месте, повернулся к луне и посмотрел на часы. Было уже пять минут десятого, а он обещал быть у Гали ровно в девять. Вон и домик её, совсем рядом, свет во всех трёх окнах.

«Меня ждут, а я вот тут стою! — рассердился Виктор, беспокойно переступая с ноги на ногу.— А если спросить, почему стою, так и сам не отвечу. Ну, верно, на дороге сидит чёрная кошка. Даже, кажется, сибирская. Лохматая... Ну и чёрт с ней — пусть сидит в своё удовольствие! А моё какое дело? Может, ей нравится тут сидеть. Подумаешь, какой зверь выискался! Подойди к ней, она и убежит. Хвостом вильнёт — и нет её. Только и всего!»

Виктор хотел шагнуть вперёд, а почему-то пошёл назад. При этом ему вспомнилось, как кто-то когда-то говорил, что страшна не кошка, а её след. Кто говорил, когда говорил, Виктор не помнил. Не то бабушка Марина, не то тётка Акулина. Но он явственно помнил одно: если кошка перебежала дорогу, не иди по этой дороге, а дождись, пока по ней пройдёт кто-либо другой. Иначе не будет удачи.

«Это, конечно, брехня, сказка, предрассудок,— пытался утешить себя Виктор, но какой-то внутренний голос противоречил: — А может, и не брехня! Ведь иду не куда-нибудь, а делать предложение! Кто её знает. Чтоб неудачи не было, уж лучше обожду. Пусть кто-то другой переступит через кошкин след. Спокойней будет».

Он посмотрел в оба конца улицы. Но, очевидно, ввиду позднего времени не было видно ни души. А кошка всё сидела в той же позе. Изредка она посматривала на молодого героя, и тогда её глаза светились, как два зелёных светофора.

— У, чтоб ты сдохла! — крикнул выведенный из терпения Виктор.— Издеваться надо мной вздумала? Дура! Самая настоящая дура лупоглазая! И хозяева твои — дураки беспросветные! Оштрафовать бы всех этих кошковладельцев, скажем, по тысяче рублей, так они узнали бы! Может, поумнели бы! Какую пакость развели! Да и милиция тоже хороша! Куда смотрит!.. А ты всё сидишь, кикимора? Так, кажется, и разорвал бы тебя на клочья!.. Нахалка! Запустить в тебя чем-нибудь, что ли?

Он походил по тротуару, потом по мостовой, но ничего подходящего не нашёл. Днём стояла весенняя оттепель, к вечеру мороз сковал улицу плотной обледенелой коркой. Даже камня без лома добыть было невозможно.

Наконец он увидел, что с крыши домика свисает порядочная сосулька.

— Сейчас ты у меня узнаешь, как перебегать чужую дорогу! — ворчал Виктор, отламывая сосульку.— Я тебе покажу, как издеваться над людьми! Навсегда перестанешь бегать там, где не положено!

Он прицелился, размахнулся и что есть силы запустил в кошку сосулькой. Удар, судя по жалобному мяуканью, достиг цели. Кошка, сильно хромая, скрылась в подворотне.

— Ну вот и всё! — сказал Виктор, сдвигая на затылок шляпу и вытирая вспотевший лоб.— Будто и вправду болтают, что сильней кошки зверя нет. Всё! Убежала. Только... только дальше-то всё равно нельзя идти. Кошкин след пока ещё никто не перешёл. Чёрт возьми, как же быть?..

Потеряв всякую надежду попасть к Гале обычным путём, Виктор пошёл не по тротуару, а соседними дворами, перемахнув при этом через три забора. Вскоре, обобрав с себя прошлогодние репьи, он стоял в квартире Гали и, виновато улыбаясь, усиленно тряс руку галиной маме.

— Уж вы, Евдокия Дмитриевна, извините, что задержался,— говорил он, посматривая то на Галю, то на её маму.— Понимаете, одно неприятное обстоятельство...

— Ничего, раздевайтесь, пожалуйста! — певуче отвечала Евдокия Дмитриевна.— У нас тоже неприятный случай. Какие-то сорванцы, будь они неладны, подбили нашего котика. Еле пришёл. Хромает, бедненький... Галя, давай перевяжем ножку Барсику.

В перевязке барсиковой ноги вместе с Галей принимал участие и Виктор. От прилива чувств он опять готов был встретиться с волком и на глазах Гали и её мамы повергнуть хищника в пух и прах.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Почему у тебя платье неглаженое, туфли грязные?
— Что ж поделаешь, если мама в командировке.

ЛЕЖЕБОКИ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Ты что же, растяпа, не видишь, что мыши наш семенной фонд едят? Опять мне из-за тебя выговор получать?

В. БАХНОВ, Я. КОСТЮКОВСКИЙ

ШУМОВОЙ ЭФФЕКТ

В округе появился волк нежданно,
И справиться немедля с ним
Доверили охотникам лихим,
А возглавлял охотников Степанов.
Казалось,
Выследить бы волка
Совсем недолго,
Да нет!
Собрания у нас в чести.
Степанов речь решил произнести:

«Нам с вами честь оказана большая,
Огромнейшая честь, я б так сказал,
И я
В честь этой чести
Предлагаю
Произвести из наших ружей залп!
Да, нам доверили идти на зверя,
И это надо понимать!
Я думаю,
В честь этого доверья
Мы все трёхкратно выстрелим опять.
Должны мы отличиться в этом деле!..»

И снова выстрелы гремели,
И раздавалось до утра:
«Ура! Ура! Ура! Ура!»

Так ночь прошла.
А утром рано
Повёл вперёд охотников Степанов.
Вдруг серый волк бежит ему навстречу.
Стремительно курок Степанов взвёл...
А выстрела-то нет,
Стрелять-то нечем:
Весь порох на салют ушёл.

* * *

Бывает у работников иных:
На речи тратят силы до предела,
Шумят, кричат, а как дойдёт до дела,
Так
Не хватает пороха у них.

КАК ИНОГДА СОСТАВЛЯЮТСЯ ОТЧЕТЫ

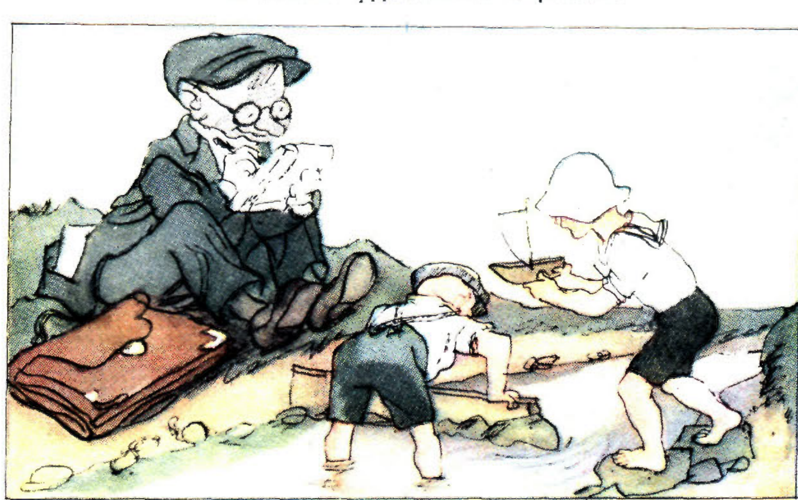
Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

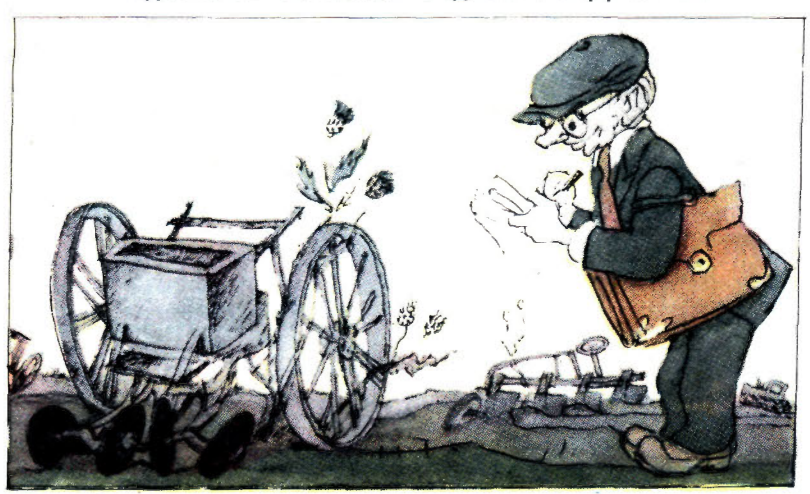
— Ведётся усиленная борьба с вредителями сельского хозяйства.

— С полей удаляются сорняки.

— Уделяется внимание водным сооружениям.

— Все сельскохозяйственные машины находятся в поле.

Колхозники артели «Октябрь», Неверкинского района, Пензенской области, получили из Москвы интересную задачу-головоломку.

Дело было так.

Колхоз решил приобрести коноплемялку. В области её не достали.

— Надо обратиться прямо в Министерство сельского хозяйства РСФСР,— рассудили колхозники.

Сказано — сделано. Ждут колхозники ответа на свою заявку. Но вместо машины получают бумагу. А в бумаге, подписанной заместителем начальника Главроссельснаба тов. Панковым, сообщается:

«...по данному вопросу обратитесь в местный райпотребсоюз, т. к. сельхозмашины для продажи колхозам **выделяются специальными фондами потребкооперации».**

— Эх, ошиблись! — вздохнули колхозники.— Не по адресу обратились. Ну, спасибо министерству за науку!

И чтобы снова не попасть впросак, дали заявку сразу в два адреса: в райпотребсоюз и облпотребсоюз. Ждут коноплемялку. Получают бумагу, подписанную заместителем председателя облпотребсоюза. А в бумаге значится:

«Коноплемялки облпотребсоюзу не выделяются. Снабжение ими колхозов **возложено на Министерство сельского хозяйства СССР через конторы «Сельхозснабжения».**

Коротко, но не совсем ясно. А неясно колхозникам одно: кто же всё-таки должен помочь артели приобрести машину? А если машин таких нет, то так и ответьте.

Заинтересовались и мы этим вопросом. Позвонили в Министерство сельского хозяйства СССР и выяснили, что колхозы Пензенской области должны снабжаться сельхозмашинами через... республиканское министерство. Да, да, через тот самый Главроссельснаб, откуда был получен первый ответ!

Теперь, кажется, всё ясно.

Р. КЛЕВАКИН

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

БЕЗ НАМЁКОВ

Когда классные журналы Иннокентьевской семилетней школы (Нижне-Амурская область) начали пестрить двойками, директор тов. Потеряйко решил немедленно навести порядок. И во исполнение принятого решения издал приказ:

«В целях повышения успеваемости запретить выдачу художественной литературы из школьной и сельской библиотек неуспевающим учащимся и допуск их на детские сеансы.

Допуск в кино и в библиотеки учащихся разрешается согласно спискам классных руководителей».

— А допустимы ли,— интересуются классные руководители,— какие-нибудь послабления? Можно ли, например, в период изучения творчества А. С. Грибоедова разрешить отдельным неуспевающим школьникам разовое посещение библиотеки для прочтения комедии «Горе от ума»? Разумеется, без права цитирования в классе знаменитого фамусовского предложения: «Уж коли зло пресечь,— забрать все книги бы, да сжечь». Чтобы товарищ директор, чего доброго, за намёк не принял...

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ

СОЛОМОНОВ СУД

Нормировщик ремонтно-механического цеха целлюлозно-бумажного комбината в городе Боровске, Молотовской области, Игнатьев систематически пьянствовал и брал у рабочих взятки на вино.

Директор комбината тов. Туниманов снял Игнатьева с работы. Однако тот же Туниманов через несколько дней назначил Игнатьева нормировщиком на спиртной завод комбината.

В. ГРИГОРЬЕВ

С большим уменьем вымогая взятки,
Сверх всякой нормы нормировщик пил.
Довольно долго были взятки гладки,
Но вот финал курьёзный наступил.
Пьянчуга снят, но не грустит пьянчуга.
Ему местечко новое дано:
Директором отечески обруган,
На спирт он брошен, чтоб не пил вино...

Н. ДАВЫДОВ

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

С ПОМОЩЬЮ ДЯДИ САМА

Как сообщает греческая газета «Элефтерия», число лиц, имеющих удостоверения о бедности, составляет в Греции 2 420 535.

— Вот, Георгиос, всё наше богатство.

СПИСОК БЛАГОДЕЯНИЙ

Предположим, какой-нибудь обладающий самой пылкой фантазией писатель изобразил бы в своём рассказе сверхнаглого гангстера. Этот «джентльмен удачи» не только грабит хозяев, но ещё и сына их посылает за тридевять земель грабить для него чужое добро. Когда же хозяева начинают протестовать, гангстер высокопарно говорит им:

— Да вы меня благодарить должны.

— За что?

— За то, что я вас охраняю.

— От кого же? На нас никто не собирается нападать!

Писателю, создавшему новеллу с таким сюжетом, пожалуй, никто бы не поверил.

— Помилуйте, так в жизни не бывает!

Но, как это ни странно, именно так бывает в политике.

Досыта наиздевавшись над своими союзниками, американские «друзья» не устают попрекать тех, кого они грабят и толкают на смерть:

— Сколько с вами хлопот! И всех-то вас охраняй! И сколько вы нам все стоите!

Гангстер, ворвавшийся в чужой дом, самым серьёзным образом требует, чтобы ему целовали руки за это благодеяние.

Недавно в таком именно духе выступил американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Журнал напечатал статью под сенсационным заголовком: «Если начнётся война, США будут втянуты в неё».

В статье говорится о том, какие рубахи-парни американские империалисты и как они, бедняжки, страдают из-за своей ангельской доброты. Они взялись защищать ни много, ни мало, как шесть континентов, три океана и шестьдесят четыре страны,— иными словами, 61 процент населения мира, 54 процента территории земного шара.

И как эти благотворители утомляются, изо всех сил стараясь защитить весь мир! Как растут военные расходы! Сколько хлопот у добровольных охранителей!

Рисуя столь умилительное зрелище, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» предусмотрительно уклоняется от ответа на следующие недоуменные вопросы:

— Почему, собственно, США возомнили себя стражем более половины мира? Кто их просил быть мировым караульщиком? От кого нужно охранять шестьдесят четыре страны, шесть континентов и три океана и кто на эти страны и океаны собирается нападать? И, наконец, каким образом империалисты США будут «втянуты в войну»? И не смешно ли это звучит?

Американские реакционеры и сами начинают замечать, что подобные утверждения звучат очень уж неправдоподобно. Поэтому, не желая показать себя в смешном виде, некоторые публицисты, ратующие за мировое господство США, предпочитают называть вещи своими именами. Понимая, что факельщиков войны всё равно никто не примет сегодня за невинных участников карнавального шествия, они откровенно призывают разжечь мировую бойню. Об этом, в частности, на днях заявила издающаяся в Бостоне газета «Пост». На первой странице газеты опубликована статья её издателя Джона Фокса, ярого приверженца сенатора Маккарти.

Фокс без стеснения говорит в этой статье, от чего именно США охраняют «подопечные» народы. Он, например, с негодованием пишет о «непорядках» в Италии. Представьте, в этой стране, чего доброго, могут в скором времени состояться всеобщие выборы!

— Ну и что же? — спросит любой здравомыслящий человек.— Какое вам дело до этого?

— Безобразие! — шипит Фокс.— Итальянский народ проголосует на этих выборах за красных!

— Но и это — его право!

— Мы покажем ему право! Не дозволим!

Единственным радикальным средством для «обуздания» свободолюбивых народов Фокс считает войну. Он прямо призывает начать войну против Советского Союза, а вместе с тем и поход против трудящихся всего мира. «Война должна быть начата нами»,— без тени смущения пишет он. Фокс, кажется, хотел бы заковать в цепи вселенную и приставить к ней американского часового.

Фокс настроен воинственно и бодро. Почему же так уныл тон упомянутой нами выше статьи в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»? А потому, что политика «с позиции силы» терпит очевидное поражение. Журнал признаёт, что даже некоторых деятелей Пентагона начинают терзать сомнения и тревоги.

«Военные, пытающиеся составить планы с учётом всех возможных критических обстоятельств,— пишет журнал,— начинают задавать вопрос: не взяли ли США на себя чрезмерных обязательств?»

Статья уверяет, будто бы эти проблески сознания всякий раз появляются у военных, стоит лишь им кинуть беглый взгляд на карту. И действительно, Соединённые Штаты сравнительно невелики: на их долю падает всего лишь 7 процентов территории и населения мира. А они собираются взять под своё покровительство весь земной шар. Не много ли это будет? И не всё ли это равно, что пришить к пуговице пиджак?

Мы думаем, однако, что американские стратеги и раньше поглядывали на карту. Почему же в то время некоторых военных не смущала мысль о нелепости идеи мирового господства? А потому, что именно сейчас политика «с позиции силы» всё чаще подводит политиков. Народы, которых «охраняют» Соединённые Штаты, откровенно и страстно ненавидят американских насильников, так же как заключённый ненавидит тюремщика, который усердно «охраняет» его, заперев на тяжёлый замок.

Юр. ЧАПЛЫГИН

Вечный ДОЛЖНИК

В Афинах, на развалинах античного храма, безработный учитель-грек, сумрачный седовласый старик, встретился лицом к лицу с американскими туристами, которыми так богата ныне бедная греческая земля.

— Скажи, старина, сколько лет этим развалинам? — спросил тучный американец, гулко постукивая палкой по древней мраморной колонне.

— Это здание построено за две тысячи лет до открытия Америки,— многозначительно ответил грек.

— Очень жаль,— заметил янки.

— О чём вы сожалеете?

— Я говорю, очень жаль, что в те далёкие времена не было нас,— пояснил американец.

Старый учитель, подумав, возразил:

— Напротив, очень хорошо, что вас тогда не было.

— Это почему же? — сделал стойку американец.

— Иначе вам пришлось бы иметь дело с несостоятельным должником.

— Говорите яснее, старина, я вас не понимаю!

Учитель молча достал из кармана свежий номер газеты «Вима» и протянул его американцу. Тот посмотрел на газету с тупой брезгливостью и спросил:

— Ну, и что же здесь?

— Тут напечатано сообщение о том, что наше правительство обязалось выплатить все старые долги иностранным и греческим капиталистам, начиная с тысяча восемьсот двадцать первого года.

— И это много? — Глаза янки жадно заблестели.

— Сорок пять триллионов драхм. Впрочем,— саркастически добавил грек,— и той части, которую мы должны выплатить Америке, вполне достаточно для того, чтобы оказаться вашим вечным должником.

Тучный янки торжествующе подмигнул своим соотечественникам:

— Недурно! Ваше правительство нам определённо нравится.

— Охотно верю,— откликнулся грек.— Да и вы ему тоже определённо нравитесь. Открой Колумб Америку пораньше, наши правители, пожалуй, согласились бы уплатить вам долги со времён Александра Македонского.

— Хо! А в какой сумме это выразилось бы?

— Думаю, что это уже астрономические величины.

Янки покровительственно похлопал учителя по плечу и добродушно заметил:

— Ничего, старина, не огорчайтесь! Ваши драхмы — наша дружба. Мы, американцы, очень привязаны к вам.

— Об этом знает весь мир,— подтвердил учитель.

Народная мудрость утверждает, что с одного медведя нельзя содрать двух шкур. Янки на примере Греции попытались доказать несостоятельность этой мудрости. Первая шкура — вся территория Греции, превращённая в сплошную военную базу. Вторая — чудовищный многомиллиардный долг.

И всё же опровергнуть народную мудрость не удалось: должник оказался несостоятельным.

И. ШЕВЦОВ

В силу экономических затруднений искусство Англии находится в состоянии тяжёлого кризиса. Одна из крупнейших театральных компаний «Столл» намеревается закрыть три театра в Лондоне.

Рисунок Ю. ГАНФА.

КРИЗИС (персонажам шекспировских пьес): — Вам, леди и джентльмены, на сцене больше делать нечего: сейчас мой выход.

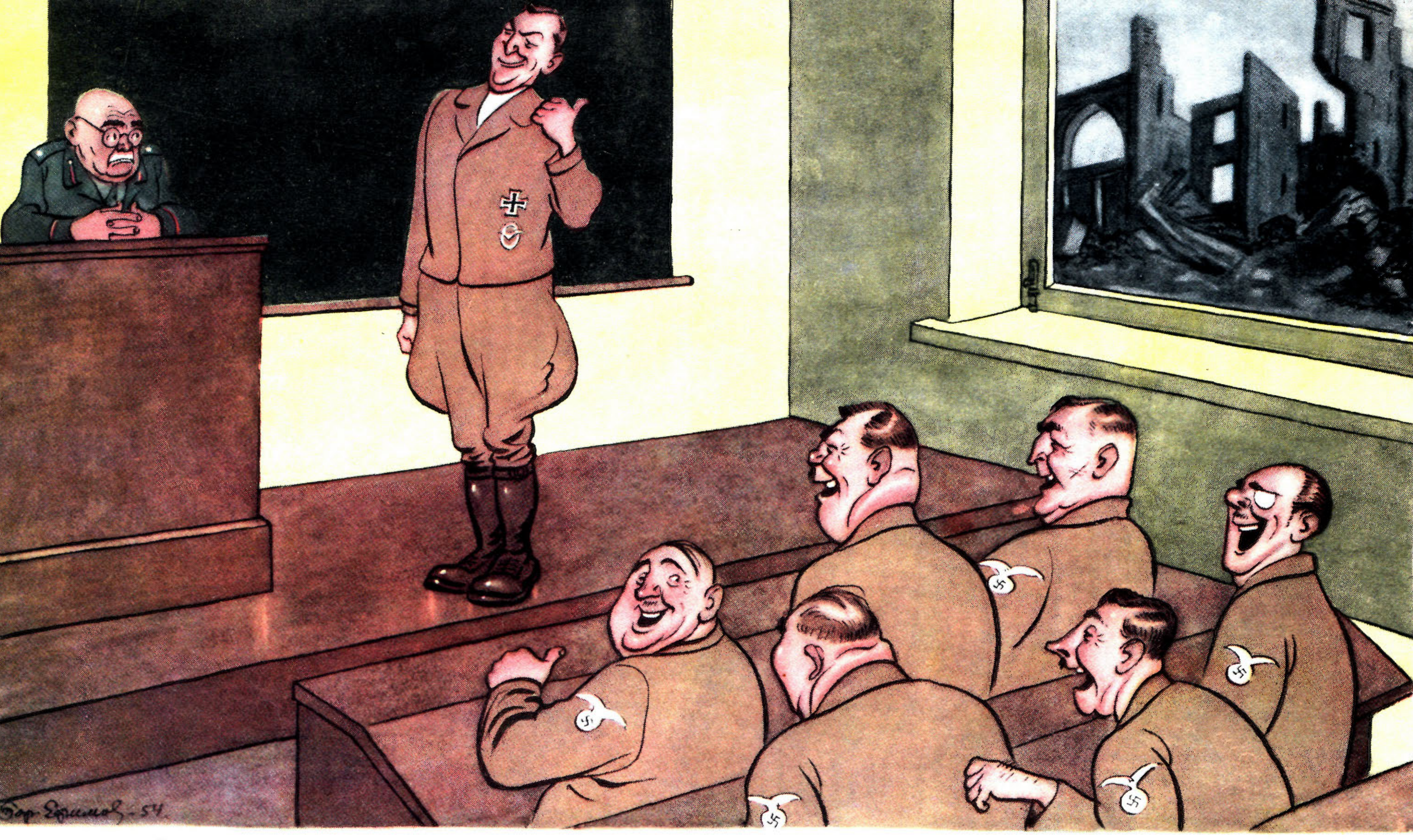

Рисунок Бор. ЕФИМОВА по теме Г. Овсянникова, присланной на конкурс Крокодила.

В Англии в настоящее время обучается группа немцев — бывших пилотов гитлеровского военно-воздушного флота.

— Господин преподаватель! После вашего теоретического урока я готов показать вам результаты нашей практической работы в сорок третьем году.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Так вот, господа,— сказал, заканчивая беседу, солидный чиновник, восседавший за массивным письменным столом,— в обращении с так называемыми военными преступниками вам следует постоянно помнить о том, чего требуют от вас федеральная республика и наш дорогой фю... гм... гм... наш дорогой канцлер господин Аденауэр. Можете идти, господа.

Рядовые чиновники городского управления Кёльна (Западная Германия), почтительно выслушав эти наставления начальника отдела, направились к выходу.

Не успела захлопнуться дверь за последним из них, как секретарша доложила, что какой-то прилично одетый незнакомец настойчиво добивается приёма «по чрезвычайно важному и срочному делу, имеющему совершенно конфиденциальный характер».

— Ну что ж, пригласите его сюда,— оживился заинтригованный начальник отдела.

Войдя в кабинет, прилично одетый незнакомец прежде всего внимательно осмотрелся и спросил вполголоса:

— Нас никто здесь не услышит?

После утвердительного ответа незнакомец заговорил уже более уверенно:

— Я пришёл к вам по делу, которое имеет действительно срочный и конфиденциальный характер. Меня зовут Крюгер. Доктор Людвиг Крюгер к вашим услугам. Я вижу, что могу быть откровенным. Я офицер, и, более того, выражаясь официальным языком, я военный преступник. В сорок пятом во Франции меня приговорили к смертной казни. Позже мне заменили этот приговор пожизненным тюремным заключением. Лишь недавно мне удалось бежать, и вот я снова здесь. Я не хочу сидеть без дела. Вы понимаете? Я пришёл к вам за помощью, мне нужны документы, деньги, рекомендации, чтобы устроиться на первое время.

Короткая, но убедительная речь незнакомца немедленно возымела своё действие. Несколько доверительных разговоров по телефону — и громоздкая бюрократическая машина городского управления в Кёльне с невиданной оперативностью оформила всё необходимое. Появились и документы на имя доктора Людвига Крюгера, и триста марок наличными, и проездной билет, и лучшие рекомендации в адрес начальства военного лагеря «Фридланд», где упомянутый доктор Крюгер мог найти себе спокойное убежище на первое время.

С довольной улыбкой покидал незнакомец гостеприимный город Кёльн. В лагере «Фридланд» его встретили с распростёртыми объятиями и первым делом вручили ему ещё триста марок наличными. В боннском государстве умеют ценить гитлеровских офицеров с «боевым опытом, приобретённым во Франции»!

Администрация лагеря поторопилась доложить о новой боевой единице в соответствующие инстанции. Однако в то самое время, когда эти инстанции восхищались ловкостью Крюгера, герой дня, что называется, «смылся». Неожиданно стали выясняться детали подлинной биографии этого «доктора». Оказалось, что он не бывший офицер, не военный преступник и даже, возможно, не Крюгер, а просто обыкновенный жулик и авантюрист, который трезво учёл спрос на боннском политическом рынке и поживился, чем было можно, у покровителей военных преступников.

Эту историю можно узнать из скупых строк сообщения полицейского управления г. Кёльна, сопровождающегося призывом ко всем отделениям полиции принять участие в розыске неизвестного, выдающего себя за доктора Крюгера.

Воистину характерная история! По всей боннской республике рыщут агенты уголовной полиции, чтобы найти и арестовать мелкого жулика за то, что он не является крупным военным преступником!

Г. ПШЕНИЦИН

Николай ШИРОВ

ЛЕКЦИЯ

По обледенелому шоссе, недавно проложенному в Дылгодынци, поскрипывая, катилась одинокая телега. В телеге на охапке сена сидел Панимайша из Колпакова. Закутавшись в толстый армяк из козьей шерсти, он, чтобы согреться, посасывал одну сигарету за другой и то и дело подёргивал вожжи, подгоняя кобылку. Как только телега, перевалив через мост над Сухим долом, покатилась по прямому шоссе, белому, словно полотно, кобылка навострила уши и беспокойно заржала. Панимайша поднял голову и глянул на дорогу. Впереди какой-то мотоциклист на руках катил свою машину. Заслышав громыхание телеги, он обернулся, остановился и стал поджидать подводу.

— Бог в помочь, приятель! — крикнул Панимайша, подъезжая к незнакомцу и останавливая лошадь.

— Здравствуй, здравствуй! — тяжело отдуваясь, ответил мотоциклист.— Куда путь держишь?

— В Ябылково.

— Не поедешь ли через Дылгодынци?

— Поеду, поеду! Дорога в Ябылково идёт как раз через это село. Хороша дорожка!

— А не подвезёшь ли и мою машину до Дылгодынцев?

— И машину можно. — Панимайша соскочил на землю, и они вдвоём взвалили мотоцикл на телегу.

Потом сели сами. Панимайша хлестнул кобылу, и телега покатилась дальше. Панимайша и попутчик долго курили и молчали.

— Ты сам не из Ябылкова ли? — спросил наконец мотоциклист.

— А? Нет, я из Колпакова, из тэкэзэхэ[1]. Еду в Ябылково по делам.

— Ясно. Как работает ваше хозяйство-то?

— Ого-о!.. Не знаю ваших убеждений... Извиняйте, значит... Ну, одним словом, для нас, бедняков да малоимущих, кооператив — одно спасение. Потому и работаем, не покладая рук, держимся друг за дружку. Понимаешь? Да вот беда: прихрамываем без агронома. Был один, да только горя из-за него хватили. Ничего толком не разумел. Неучёный какой-то!

— Позволь, как же так? — удивился мотоциклист.— Агроном есть человек со специальным высшим образованием. Учился у известных профессоров, слушал лекции... Такой не может не разбираться в своём деле.

— Ну-у, то лекции... Нешто на одних лекциях далеко уедешь? Земля лекций не слушает. Так-то! Её надобно доподлинно знать, нрав её понимать. Одна нива, скажем, требует много удобрения. Другая и за полкилометра его не подпускает: сгорает. Один участок, опять же скажу, держит воду, а соседний — что твоё решето. Чувствовать надо, чего земля-то требует!

Когда к нам в хозяйство приехал агроном, мы сразу сказали: «Ну, теперь дело пойдёт на лад! Этот разберётся в нашей земле, изучит её, надоумит нас, где и что лучше сеять, чтоб урожай, значит, поднять». А он как забрался в канцелярию, как засел за бумаги!.. От восьми до двенадцати и от двух до шести. Начертил на бумажке план кооперативной земли, прилепил эту бумажку к столу, тычет в неё пальцем и прямо из канцелярии командует парадом: «На этом участке сеять то-то, на этом — то-то!» «Не годится, товарищ агроном,— говорим мы ему.— На этом участке земля такая, а на том — этакая». Куда там! «Вы,— кричит,— учить меня хотите? Я университет кончил! От одних лекций чуть не поседел! Не желаете меня слушаться, не надо, делайте как знаете! А я сейчас заберу шапку в охапку и уйду. Потом на себя пеняйте!» Покрутились мы, покрутились да и решили послушаться его. «Агроном всё-таки,— рассуждаем.— Лекции слушал. Поболе нас понимает. Ну что ж, подчинимся ему...» Подчиниться-то подчинились, только так ничего и не уродилось. Никудышный сняли урожай. Ну, он действительно шапку в охапку и поминай, как звали, а мы с чем остались? Получили зонтик после дождичка! Вот я и хочу сказать, приятель: агрономства от канцелярии не жди!

Или взять, к примеру, нашего районного агронома Бахчиванова. Прошлой осенью, когда вдруг похолодало, мы порешили спросить у него совета. Пускай, дескать, скажет, что нам делать-то. Послали ему письмо. Приезжайте, мол, гляньте, в каком положении земля, обсудить бы надо. А он нам письмецом отвечает. «Никаких посевов, — пишет, — не производить, только семена загубите: сгниют». Мы снова отписали, что есть у нас два участка подле Горненского района, земля там — что твой чернозём. Такую землю чуть припорошит снежком — ничего ему не сделается, семени-то! Хотим, дескать, хотя бы эти участки засеять. А ещё, пишем, лучше было б, если бы приехали вы да и сами глянули на те участки.

Он снова письмецом отвечает: «Ничего не сеять до нового распоряжения».

Ну ладно, думаем, на свой страх засеем. Не всходы появились — малина! Приехал бы районный агроном, поглядел бы, что вышло... Да где ему! Сидит себе в тёпленькой канцелярии. А ведь сказывают, будто свой человек, передовой.

Я, понятно, не знаю, как вы на всё это смотрите. Извиняйте, значит. А я так рассуждаю: какой же он передовой, ежели не пожелал приехать, когда его звали? Эх!..

— Мы, кажется, приехали? Не это ли Дылгодынци? — перебил его мотоциклист.

— Они и есть. За разговорами-то я и не заметил, как добрались до села, — отозвался Панимайша. — На перекрёстке остановимся. Как пойдёшь направо, увидишь мастерскую. Там Койчо живёт, техник. Он в машинах здорово разбирается. А я сверну влево, выберусь на дорогу в Ябылково.

Доехали до перекрёстка. Седок слез с телеги. Панимайша помог ему снять мотоцикл.

— Ну, в добрый путь! А вы, случаем, не из города ли будете? — поинтересовался Панимайша.

— Из города, — ответил мотоциклист.

— Я так и думал. Может, ещё встретимся ненароком. Где работаете-то?

— Да я... служащий... в налоговом отделе... собственно говоря...

— Вот хорошо! Это ж по соседству с агрономством, так ведь? Ты им расскажи там про наш разговор-то!

— Ладно,— пробормотал мотоциклист, подталкивая свою машину.

— Ба, Панимайша! — крикнул Ламби Коприва, подходя к телеге.— Какими судьбами тебя занесло сюда?

— О-о, Ламби, здравствуй! Как поживаешь-то? Что новенького в хозяйстве?

— Подтягиваемся. О чём это ты говорил с районным?

— С каким районным?

— Да с агрономом Бахчивановым, который только что с твоей телеги слез. Выбрался он наконец-то в наши края!

— А-а, это ты про него? Эге! Вот какая штука-то! Да так... рассуждали промеж себя... Лекцию я одну читал ему...

— Мудришь всё! — засмеялся Ламби Коприва.— Ну, пока!

— Будь здоров! — Панимайша хлестнул кобылку.

Она снова засеменила по дороге. Панимайша ухмыльнулся в усы.

Перевёл с болгарского Б. ДИДЕНКО.

[1] ТКЗХ — трудовое кооперативное земледельческое хозяйство.

Рисунок К. Карапанова (журнал «Стършел», Болгария).

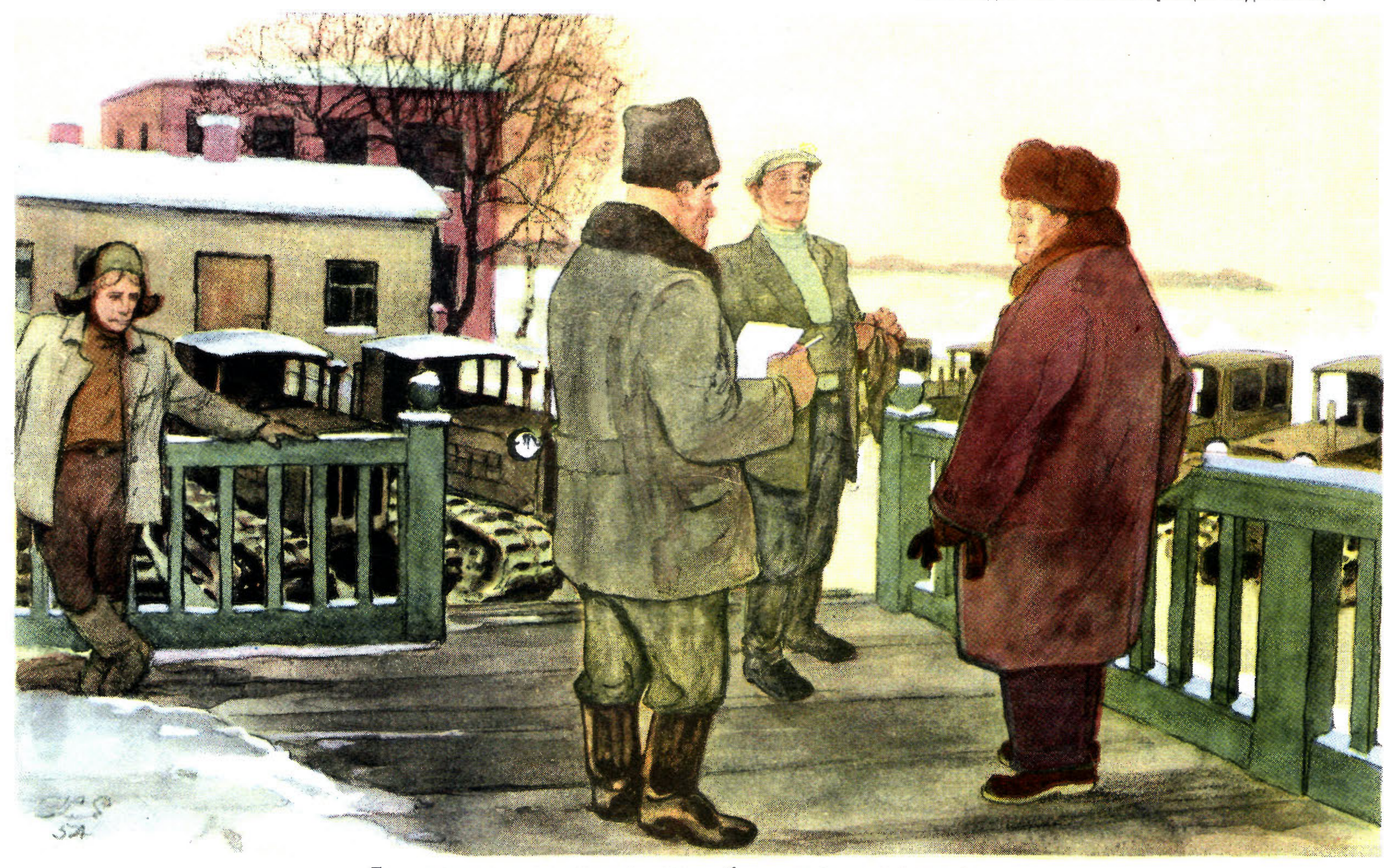
БЕЛЫМИ НИТКАМИ...

...или их план объединения Германии.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Имеют место случаи назначения директорами МТС людей без соответствующей подготовки.

— Тут, товарищ директор, надо бы гусеницу заменить.
— Гусеницу? Вот в зоологии, товарищи, я, прямо скажу, ничего не понимаю.

СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

Дипломат на косогоре

Взаимные связи у Петра Андреевича Короткова с Георгием Ивановичем Суржиком установились с той поры, когда первый стал председателем колхоза, а второй — директором МТС. В Каневском районе полагали, что зоотехник Коротков будет особо пристрастен к животноводству, а инженер Суржик — к технике. Но никто не мог и думать, что оба они обладают пристрастием к дипломатии.

При первом же знакомстве председатель и директор почувствовали себя высокими договаривающимися сторонами и стали держаться соответствующего этикета. Встретившись за круглым столом и усадив возле себя агрономов в качестве советников и консультантов, они обсуждали договоры, учиняли под ними подписи и, вежливо раскланявшись, расходились по своим резиденциям.

Хотя во всех договорах было засвидетельствовано, что обе стороны представляют собой части единого целого, связаны общими задачами, «дипломаты» держались разных позиций. Коротков смотрел на Суржика со своей, председательской, вышки и не всегда признавал интересы МТС. Суржик смотрел на Короткова со своей, директорской, вышки и мало считался с интересами колхоза.

Логика потребовала, чтобы между двумя сопредельными территориями был установлен рубеж. Балка, разделяющая расположенные почти рядом усадьбы правления колхоза и МТС, стала естественной границей, неприкосновенность которой строго соблюдали обе стороны. Директор не появлялся в правлении колхоза, председателя не видели за столом совета МТС. Вынужденные встречи бывали чаще всего на нейтральной зоне — в районном центре.

Дипломатические склонности Короткова и Суржика оказались для колхозников пагубными. Обошлись они дорого. Урожай в колхозе держался в пределах 13 центнеров, не было на фермах высоких удоев, низка была оплата трудодня. Словом, колхоз и МТС далеко отстали от других в своём районе. Иные руководители тянули производство на подъём, а Коротков и Суржик скользили по косогору.

Скользят они и поныне. Коротков и Суржик не срыли пограничных столбов, попрежнему играют в дипломатов.

Морозным днём, преодолевая снежные сугробы, выходит из МТС курьер. Минуя правление, которое находится рядом, он шагает два километра до местной почты и сдаёт там депеши, адресованные председателю колхоза. Затем идёт в обратном направлении почтальон и вручает адресату пакет, в котором содержатся руководящие указания о заготовке удобрений, о представлении отчётности и прочем.

Между Суржиком и Коротковым недавно завязались длительные переговоры по вопросу о транспорте. Поводом к ним послужил такой факт. Неподалёку от станицы Каневской, застигнутые бураном, застряли в пути колхозные автомашины. Председатель обратился к директору с просьбой оказать помощь — послать на выручку автомашин трактор.

Спасать или не спасать людей и машины? Для одной стороны этот вопрос был ясен. Другая обдумывала все «за» и «против», и наконец... директор отказался послать трактор. Переговоры завершились положительно только после вмешательства районных руководителей. Нелегко оказалось нарушить прежнюю межу, разделявшую МТС и колхоз на «своё» и «чужое».

Уже давно повсюду между МТС и колхозами существуют новые отношения.

Мы спросили Петра Андреевича Короткова, что он думает о товарище Суржике. Тот убеждённо ответил:

— Каким он был, таким он и остался.

Георгий Иванович Суржик отозвался о товарище Короткове в том же духе. Он подкрепил это мнение тем, что председатель целый год живёт в колхозе на положении квартиранта. Бывший зоотехник районного отдела сельского хозяйства Пётр Андреевич Коротков действительно работает в колхозе с оглядкой. Утром и вечером он совершает рейсы из районного центра в колхоз и обратно до своей хаты. На критику он отзывается многозначительной фразой: «Зоотехник везде найдёт место». Вмешательство МТС в дела колхоза Коротков нередко воспринимает как нарушение его суверенитета.

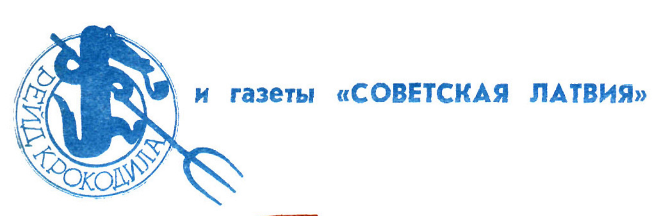
Словом, существует ещё межа на окраине станицы Старо-Деревянковской, отделяющая колхоз от Сладко-Лиманской МТС. На каждой стороне межи живёт по «дипломату». Блуждают те «дипломаты» по косогору, не видя новых горизонтов, которые открываются другим, поднимающимся на крутизну.

Уместно здесь напомнить слова Козьмы Пруткова:

— Не ходи по косогору — сапоги стопчешь!

В. ВОРЫГИН

Краснодар.

Торговые многоточия

1. ЛЕГКИ НА ПОМИНЕ

Сузанна Новикс собиралась в Ригу на колхозный рынок. Товарищи по сельхозартели отбирали свиные туши пожирнее да поувесистей, как вдруг ребятишки, всегда и всё узнающие раньше других, прибежали с вестью, что какие-то «дяди» разыскивают правление колхоза.

Действительно, два гражданина городского вида вылезли из старой «эмки» и, осторожно ступая по раскисшей земле, направились к правлению.

— Здесь правление сельхозартели «Циня»?

— Здесь.

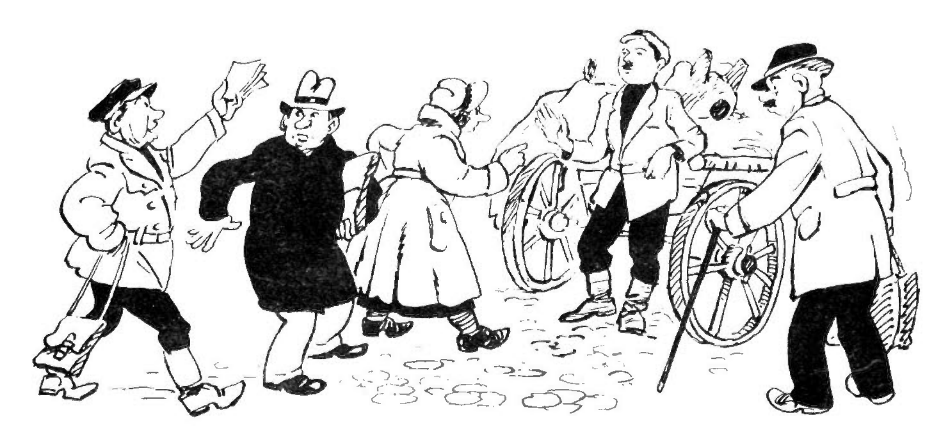
— Говорят, у вас свиньи на весь Элейский район знаменитые!

— Говорят...

— Очень хорошо. Мы комиссионеры из Рижского коопторга. Наша задача — выезжать непосредственно в колхозы, так сказать, в самые глубинные места, закупать продукты и доставлять их на городские рынки. Чего мы достигаем этим путём? Во-первых, мы достигаем экономии средств в колхозах, во-вторых, высвобождаем в колхозах рабочие руки и транспорт, в-третьих...

Колхозники приняли гостей с распростёртыми объятиями. Выгоды комиссионной торговли сельскохозяйственными продуктами им были ясны из постановлений правительства. Не далее, как сегодня, снаряжая в город Сузанну Новикс, колхозники говорили между собой, что было бы неплохо, если б рижские кооператоры расшевелились и прислали в колхоз своих комиссионеров. И вот они тут как тут, легки на помине...

Мы решили отправиться в Ригу, чтобы там, на месте, оценить результаты пробного выезда комиссионеров в колхоз.

2. КОМИССИОНЕРЫ ИЛИ АУКЦИОНИСТЫ

Рижское светило только выползает на серый утренний небосвод, а на Центральном рынке уже давно шум и суета. Прилавки полны соблазнительной снеди. Горы овощей, мешки с разносортной мукой. Целые ряды масла. Сметана такой густоты, что ложка в ней стоит торчмя.

Несомненно, мы здесь найдём и свинину из колхоза «Циня», которую вчера заготовили коопторговские комиссионеры.

Вот на белой кафельной стене висят отличные свиные туши.

— Откуда свинина?

— Из Элейского района. Колхоз «Циня».

— Здравствуйте, товарищ Новикс! Почему вы сами торгуете? Ведь к вам приезжали комиссионеры коопторга?

— Лучше бы не приезжали.

— Что так?

— Наговорили с три короба. А как дошло до дела, предложили, чтобы колхоз сам доставил свинину на рижский рынок, прямо к прилавку коопторга, и ещё оплатил бы все рыночные расходы. Да если мы сами повезём мясо в город, зачем нам такие комиссионеры?

Нам стало неловко за кооператоров.

— Наверно, эти комиссионеры ещё неопытны. Ведь есть же и другие коопторги...

— Есть, есть! В Риге их немало. Я сквозь них с трудом сюда пробралась.

Сузанна Новикс явно шутила. Мы же совершенно всерьёз хотели посмотреть, как работают комиссионеры, и высказали желание поехать в какое-нибудь другое глубинное место.

Тут уж заулыбались и соседи Сузанны Новикс. Они заверили нас, что нам никуда не надо ехать, так как «глубинное место», излюбленное у рижских кооператоров, находится здесь же, на Центральном рынке, около мясоконтрольной станции...

Ещё на подходах мы увидели жарко спорящих людей. Посреди толпы, прижатые к автомашинам с мясными тушами, стояли колхозники. На них наседали представители коопторгов:

— Почём свинина?

— Постойте! Я был первый! Беру всё сразу.

— Прибавлю полтинник на килограмм.

К автомашине пробилась женщина в пальто с претензией на шик и такой же шляпке. Это была известная всему рынку «товарищ Андреева из Латпотребсоюза».

— Прибавлю по два рубля, и всё моё! — решительно заявила она.

В стороне мужчина в модном реглане увещевал колхозника:

— Ты вот что, голубчик! Не имей ты дел ни с Латпотребсоюзом, ни с Горрыбкоопом, ни с Латрыболовпотребсоюзом. Имей дело только со мной.

Вдали показалась ещё одна колхозная автомашина. Обгоняя друг друга, «комиссионеры» бросились к ней. Впереди бежала дама в шляпке. У самого финиша её обошёл реглан...

3. МАДАМ СТРАЗДЫНЬШ ПОЛУЧАЕТ ТРУДОДНИ

— Ну, как? Убедились? — встретила нас Сузанна Новикс, когда мы возвратились к её прилавку. — Что вы об этом скажете?

— Что скажем? Хорошее дело превращено в балаган. Вместо комиссионной торговли — отвратительный аукцион, страдают от этого только потребители.

— Это ещё не всё! — махнула рукой Сузанна Новикс. — А штатных колхозных продавцов вы видели? Пройдитесь вдоль рядов, и вы узнаете, что это такое!..

Заняв своё рабочее место в зените, солнце проникло на рынок сквозь переплёты стеклянных крыш и сразу рассыпалось тысячью весёлых зайчиков. Дородная дама, суетившаяся за прилавком колхоза «Эзерциемс», невольно зажмурилась. Солнечный луч застиг её в тот момент, когда она пререкалась с покупателями, стараясь всучить товар похуже, содрав побольше.

Рисунки С. КУЗЬМИНА.

Как попала эта дама за колхозный прилавок?

К сожалению, солнечный луч не в силах осветить нам прошлое и настоящее этой дамы. Попробуем восполнить пробел в управлении рынками.

Действительно, здесь с нею хорошо знакомы. Оказывается, Зелма Рейнхольдовна Страздыньш никакого отношения к представляемому ею колхозу не имеет. Она профессиональная торговка. Во времена не столь отдалённые она содержала на рынке ресторан. Теперь постоянно живёт в Риге и, хотя дальше Рижского взморья не вояжирует, числится членом колхоза и даже получает трудодни.

Под вывеской колхоза имени Судмалиса бойко торгуют супруги Иргенсон. У них рижские паспорта, постоянная рижская прописка, квартира в Риге и весьма слабое представление о том, где находится колхоз, в котором они регулярно получают трудодни.

— Колхоз имени Судмалиса? Милочка, где находится наш колхоз?

— Нелепый вопрос! На вывеске ясно сказано: в Балдонском районе...

Под маркой колхоза «Старс» орудует некто Нукис, представительный мужчина с внешностью метр-д-отеля.

— Знакомы ли вы с колхозной жизнью?

— О, да! Я каждое лето вывожу семью на дачу в сельскую местность. В Цесисе такие живописные места!..

4. МЕЖ ТРЁХ ВЕДОМСТВ

В управлении рынками нам показали списки лжеколхозников, торгующих под вывесками сельхозартелей. Всего их около пятидесяти. Списки каждый квартал обновляются и отправляются в Министерство сельского хозяйства. Там их аккуратно подшивают. Иногда даже составляют нравоучительные приказы: дескать, не годится засорять колхозную торговлю делягами и спекулянтами. Приказы направляют в управление рынками. Здесь разводят руками:

— Мы не можем на это влиять. Мы только сдаём в аренду торговые точки!

В Министерстве торговли республики сочувственно вздыхают:

— Торговля? Да, да... Но колхозная! Колхозы в ведении республиканского Министерства сельского хозяйства.

В Министерстве сельского хозяйства разъясняют:

— Колхозы в нашем ведении, это так, но торговля в ведении Министерства торговли! А комиссионная торговля с колхозами — дело кооперативное. Кооператоры же подведомственны Центросоюзу...

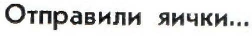
Центросоюз в Москве. Что делается в Риге, ему не видно. Вопрос затерялся меж трёх ведомств... В таких случаях полагается ставить многоточие. Но там, где речь идёт о колхозной торговле, многоточиям не может быть места. Они требуют немедленной расшифровки...

Бригада КРОКОДИЛА и газеты «СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ»:

В. ГЕХТ, А. ГОЛУБ. Н. ЛАБКОВСКИЙ.

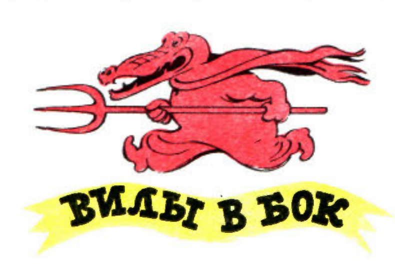
Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Отправили яички...

...а прибыли птички.

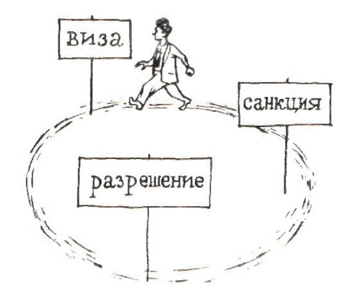
«ЛЫКО ДА МОЧАЛО...»

С недавних пор в Кишинёвском медицинском институте каждую неделю повторяется одна и та же картина: приходят к кастелянше студенты, проживающие на частных квартирах, и хором просят:

— Кастелянша, кастелянша, обменяйте нам, пожалуйста, постельное бельё.

— И не подумаю! — отвечает кастелянша.— Вы что, порядка не знаете? Я выдаю чистое бельё только с разрешения коменданта.

Студенты идут к коменданту.

— Комендант, комендант, разрешите кастелянше выдать нам чистое бельё.

— С полным удовольствием,— любезно отвечает комендант,— но... мне нужна санкция замдиректора по хозчасти.

Направляются студенты к исполняющему обязанности заместителя директора по хозчасти Савченко.

— Уважаемый товарищ Савченко, дайте санкцию коменданту, чтобы тот разрешил кастелянше обменять бельё.

Тов. Савченко отвечает:

— Дать санкцию — дело нехитрое. Но... на всякий случай принесите визу директора института.

Стучатся студенты в директорский кабинет, просят директора дать разрешение тов. Савченко, чтобы тот дал разрешение коменданту, чтобы тот разрешил кастелянше удовлетворить просьбу студентов.

Директор без волокиты даёт визу Савченко. Савченко — коменданту. Комендант разрешает кастелянше. Кастелянша выдаёт бельё. Всё. Точка.

Студенты получают кратковременный отдых. Но... начинается новая неделя, и сказка про мочало начинается с начала.

Так, помаленьку, в хождениях, и коротается учебный год.

СТРИЖЕНАЯ СЕЛЁДКА

Можно ли стричь селёдку? За ответом на этот вопрос нужно обратиться в Министерство промышленности продовольственных товаров. Направляя деятельность «Главмурманрыбпрома», оно посылало главку в среднем по пятьсот руководящих бумаг в месяц. Мурманские рыбаки скрепя сердце дисциплинированно отвечали, что треска поймана в соответствии с директивой номер такой-то, сельдь — во исполнение циркуляра такого-то, а камбала — согласно особому указанию от такого-то числа.

И вдруг мурманские рыбаки получили приказ № 240 от 6 февраля «О плане заготовок волоса на 1954 год». Если бы рыбакам было приказано заполнять персональный анкетный лист на каждую пойманную селёдку, они, может быть, не особенно удивились бы. Но как заготовлять на рыбных промыслах волос? Ни селёдку, ни треску стричь ещё никто не пытался...

Покачали рыбаки головами и в порядке служебной дисциплины сели было составлять ответ: «Ввиду отсутствия волосяного покрова у хладнокровных обитателей морских глубин...»,— но в этот момент они получили другую руко-

водящую бумагу из планово-производственного управления министерства. Она содержала «дополнительные указания о порядке составления ежемесячных отчётов по продукции торфодобывающих предприятий». Видимо, в министерстве считали, что богаты и славны торфом воды Баренцова моря и что мурманские рыбаки ловят треску на заросшем болоте. При этом рыба настолько отнимает внимание рыбаков, что они забывают об учёте выловленного одновременно с рыбой торфа.

Тогда работники «Главмурманрыбпрома» отложили составление ответа и целиком занялись рыбной ловлей. Мало ли какие указания ещё могут поступить: о заготовке рогов и копыт или о посевах конопли... А им всё-таки рыбу ловить нужно.

В. КИРКОВ

Крокодил помог

Фельетон «Из Никифоровки в Никифоровку» (Крокодил № 5) рассказывал о ненормальных условиях работы механизаторов в Никифоровской МТС Тамбовской области.

В результате мер, принятых РК КПСС, в Никифоровской МТС созданы нормальные условия для ремонтных рабочих: налажено паровое отопление, все цехи мастерской отапливаются, увеличено число мест в общежитии МТС, токарям тт. Тамбовцеву и Тугаеву предоставлена квартира.

Директор МТС тов. Выскубов как не обеспечивший руководства от работы освобождён.

●

В № 4 за этот год Крокодил писал о том, что в городе Балтийске всего одна аптека, и та по воскресеньям не работает.

Как сообщают из исполкома Балтийского горсовета, сейчас аптека работает ежедневно, время её работы продлено.

●

Колхозники артели «Знамя коммунизма», Ишлейского района, Чувашской АССР, написали в Крокодил о нарушениях Устава сельхозартели председателем колхоза Мокиным.

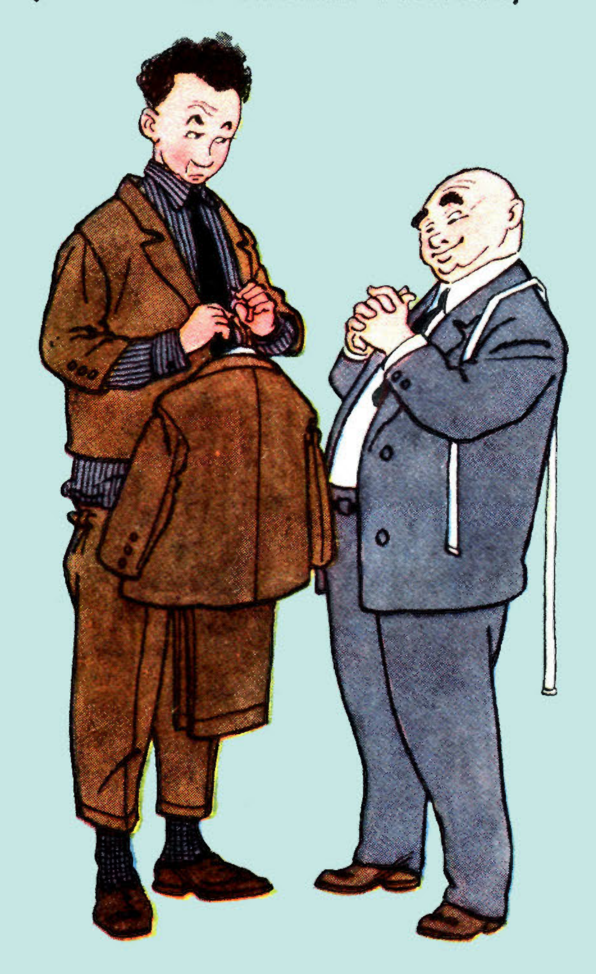
За систематическую пьянку и развал работы бюро РК КПСС исключило Мокина из членов КПСС.

Материал о нём передан в следственные органы.

Дорогой Крокодил!

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

(ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ О ТОРГОВЛЕ)

На этой странице мы видим рядовых покупателей. Что-то они не веселы! Не сияет на их лицах лучезарная улыбка. И пламя радости не озаряет их глаза. С чего бы это? Давайте разберёмся по существу. На первом рисунке изображён один из покупателей, который, к несчастью, оказался на десяток сантиметров выше нормы, предусмотренной тбилисскими торгующими организациями. А они, как сообщает читатель В. Панцулая, пытаются ограничить рост потребителя костюмами малых размеров. Вот почему покупатель размышляет над тем, как бы из двух костюмов-недомерков скроить один 54-го размера. И ещё он думает о том, что такое лимитирование роста потребителя отнюдь не свидетельствует о росте культуры торговли в Тбилиси.

Чуть ниже стоит счастливый обладатель самовара производства суксунской артели «Медник». Как пишет читатель Н. Алябышев (Рожкинский район, Кировской области), этот чайный агрегат имеет одну любопытную особенность: вода из него вытекает даже тогда, когда кран закрыт. Поэтому приходится запасаться дополнительной посудой для борьбы со стихийной утечкой воды. Стоит ли после этого удивляться туче, набежавшей на чело владельца удивительного суксунского самовара?!

На рисунке № 3 изображён известный цирковой маг и иллюзионист, проводящий с домохозяйками семинар на тему «Как жарить яичницу в цилиндре». Властная потребность в таком семинаре, как сообщает читатель Н. Мельников (Билярский район, Татарской АССР), вызвана отсутствием в продаже обыкновенных сковородок.

И, наконец, на последнем рисунке мы видим представителя местной промышленности города Саратова. Из жалоб он соорудил себе письменный стол. И счастлив. А жалобы эти как раз на отсутствие письменных столов и шкафов, столь необходимых в быту. Их почему-то прекратили выпускать в Саратове. Итак, есть жалобы, нет столов. Чему же, собственно, радуется товарищ? — недоумевает читательница В. Светловидова. В самом деле: чему?

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 323. Подписано к печати 2/IV 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00771. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1008. Тираж 400 000 экз.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

По сообщению газеты «Таймс оф Цейлон», в Коломбо будет созвана конференция для создания «всемирной организации по борьбе с коммунизмом». На конференцию приглашаются Маккарти, Аденауэр, Франко, Чан Кай-ши, Лн Сын Ман, Керенский и др.

ПАРАД «ЧЕМПИОНОВ» БОРЬБЫ С КОММУНИЗМОМ.

